

Филипп Салтель

«Machiavel himself...»:
Юм и «Флорентинский секретарь»¹

Заглавие этого очерка об отношении Юма к Макиавелли почерпнуто из эссе 1741 г. «Об изучении истории»², опубликованного во всех позднейших изданиях «Политических, моральных и литературных опытов» вплоть до 1760 г., когда Юм окончательно вышел в отставку.

Этот неоднозначный, но легкий для восприятия текст (речь идет о том, чтобы побудить дам оставить чтение романов ради изучения истории, которое, если и не доставит им того же удовольствия, то, по крайней мере, чему-то научит), Юм завершает восхвалением истории. Историк, — утверждает он, столь же заинтересованный в предмете своего изучения, сколь и отдаленный от него, занимает вышестоящее положение по отношению к человеку дела чересчур заинтересованному, или к философу, слишком

¹ Перевод сделан по изданию: *Saltel Ph.* «Machiavel himself...»: Hume et le «Secrétaire de Florence» // *Revue philosophique de la France et de l'étranger*. 2008. №1. P.31–42. — *Прим. пер.*

² Автор публикуемой здесь статьи цитирует Д. Юма по изданию французского перевода: *Hume D.* *Essais moraux, politiques et littéraires et autres essais* / Trad. de Gilles Robert / Coll. «Perspectives anglo-saxonnes». Paris: P.U.F. 2001. При переводе на русский, цитируя тексты Юма, я обращалась по преимуществу к изданию их русского перевода: *Юм Д.* Соч. в 2-х т. М.: Мысль. 1996. В тех случаях, когда русский перевод отсутствовал, цитирование производилось мною по тексту автора статьи, Ф. Салтель, что отмечено в сносках отсылкой к указанному выше французскому изданию перевода сочинений Юма, обозначаемому аббревиатурой EMPL с указанием названия работы (по-английски и по-французски) и номеров страниц. — *Прим. пер.*

Hume D. Of the Study of History / trad. franç.: De l'étude de l'histoire // EMPL. P. 160–164.

отдаленному от дел. Таким образом, историк может иметь здоровое моральное суждение — суждение наблюдателя-гуманиста, свободного одновременно от эгоистических и от пристрастных предпочтений. В связи с этим наш философ пишет:

«Даже сам Макиавелли (*Machiavel himself*) обнаруживает истинное чувство добродетели в своей «Истории Флоренции». Когда он говорит как *политик* (*as a politician*), рассуждая в общей форме, то видит в отравлении, убийстве и лжесвидетельстве вполне законные приемы, относящиеся к искусству власти. Но когда он говорит как *историк* в своих конкретных повествованиях, то неоднократно выражает столь резкое негодование по поводу порока и такое горячее одобрение добродетели, что я не побоюсь применить к нему высказывание Горация: как бы яростно вы не изгоняли природу, она все равно возвратится к вам»³.

Разумеется, предполагаемая здесь «добродетель», предпочитаемая Макиавелли-историком, — это не *virtù*, прославленная в «Государе», и даже ни одна из *virtus* римлян; отлична она и от моральной добродетели религиозного толка. Речь идет о добродетели, систематическое выстраивание которой дает III книга «Трактата», вышедшего как раз в 1740 г., — со всеми ее естественными и искусственными сторонами, ее смычкой с принципами пользы и удовольствия, ее распространением от физической красоты к основам справедливости посредством талантов и утонченности симпатии. Но в данном случае нас интересует не столько добродетель, сколько то удивительное различие между политической наукой и историей, с помощью которого Юм хочет прояснить его «умеренное» отношение к творчеству Макиавелли. И вот мы уже сравниваем двух мыслителей, для которых если и существует условие *sine qua non* мысли о вещах политических, то им является укорененность такого исследования в истории; и можно смело утверждать, что перед нами очень сходные тексты, обосновывающие свои утверждения примерами, зачастую почерпнутыми из одних и тех же источников, воспринимающие сложность выстраиваемой науки, чуткие к соразмерности, к обстоятельствам, к опровержению принципов.

³ Ibid. P. 164. (Курсив автора — прим. пер.)

Тем не менее, мнение Юма — вполне ясное: Макиавелли заложил очень непрочное основание своей теории. В эссе «О гражданской свободе» он пишет:

«Макиавелли, конечно, был великим гением, но поскольку он ограничил свое исследование бурными и деспотическими правлениями древних времен или небольшими и лишенными покоя и мира княжествами Италии, то его суждения, особенно в отношении монархической системы правления, оказались крайне ошибочными»⁴.

Тот факт, что обстоятельства развития монархии (в частности в Великобритании XVIII в.) были совершенно иными, стал для Юма решающим мотивом, чтобы признать «комментарий Макиавелли на Тита Ливия»⁵ «гениальным и очень рассудительным сочинением»⁶ и одновременно утверждать, будто «в его “Князе” едва ли есть хоть одна максима, которая бы не была опровергнута последующим опытом»⁷.

При таких условиях «исторического» опровержения убедительности макиавеллиевских доводов следует различать макиавеллизм и не-макиавеллизм Юма в двух планах. Во-первых, в практическом плане выработки знания (или скорее политической «мудрости», и Юм противопоставляет образ *wise politician*, мудрого политика, образу *political projector*, политического прожектёра⁸). Во-вторых, в плане содержания этой мудрости речь должна идти о «политических аксиомах», так как совершенно очевидно, что недостаточность опытных оснований у Макиавелли все время вводит его в заблуждение или что своими ошибками он обязан только этому.

⁴ Юм Д. О гражданской свободе // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. С. 529–530.

⁵ Имеется в виду сочинение Н. Макиавелли «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» — Прим. пер.

⁶ Hume D. Of the balance of Power / Trad. franç. De la balance du pouvoir // Hume D. EMPL. P. 505–516, 515 n. [это примечание относится к изд-ю 1752 г. и сохраняется в изд-ии 1757 г.].

⁷ Юм Д. О гражданской свободе // Юм Д. Там же. С. 530. (Сочинение Макиавелли «Il Principe» переводили на русский и как «Государь», и как «Князь». — Прим. пер.)

⁸ Hume D. Idea of a Perfect Commonwealth / Édit. de 1752 à 1768 / Trad. franç.: Idée d'un *commonwealth* parfait. EMPL. P. 659. Note (a).

Неомакиавеллевская «манера»

На первый взгляд, ссылки на Макиавелли в юмовских текстах не часты. Насколько нам известно, имя Макиавелли ни разу не встречается в «Трактате о человеческой природе»; в «Исследовании принципов морали» он упоминается однажды как историк; зато в «Эссе» мы находим восемь прямых ссылок, одна из которых на автора «Клиции», и по меньшей мере пять явных намеков на «Флорентийского секретаря». Учитывая, что «Трактат», с одной стороны, и оба «Исследования» и «Эссе» — с другой, подчинены различным риторическим нормам, а также что «Трактат» следует рассматривать как норму подлинной экономики точных ссылок (так, мы насчитали лишь 15 личных имен, упомянутых в одной III книге «Трактата», тогда как в «Исследовании принципов морали» их 85⁹), можно предположить, что Юм вовсе не был склонен замалчивать имя Макиавелли, кроме как по строго формальным причинам, связанным с особым замыслом «Трактата о человеческой природе» и действительным единственно для этого произведения.

«Эссе» предназначены для широкой образованной публики его времени и в своей политической части призваны устранить политико-юридические пробелы других работ. В них опора на приводимые Макиавелли исторические примеры, его суждения о политическом творчестве и в особенности использование понятий в контексте, который не может не вызывать аллюзий (например, понятий «группа заговорщиков», «народная милиция», «смешанное правление»), вынуждает нас признать важность этих легко обнаруживаемых у Юма ссылок, делающих Макиавелли фигурой настолько же значимой, насколько и Шефтсбери, Гаррингтон, Локк или Полибий, и даже более значимой, чем многие другие.

⁹ См. именные указатели (index nominum) французских изданий, которые мы дали к «Трактату» — *Treatise of Human Nature. Book III. Of Morals* («La Morale». «Traité de la nature humaine. Livre III. Paris: Flammarion / Coll. «GF». 1993. Это издание именуется далее аббревиатурой TNH III). А также к *An Enquiry concerning the Principles of Morals* («Enquête sur les principes de la morale» / перевод в сотрудничестве с Ph. Baranger. Paris: Flammarion / Coll. «GF». 1991, обозначаемый аббревиатурой EPM).

В этом нет ничего удивительного: два человека были в своей жизни приближены к власти, но помимо этих биографических элементов мы с уверенностью должны признать, что и один, и другой рассматривают политическое письмо в весьма сходной манере. Используя известное выражение, можно утверждать, что для Юма, очевидно, любая «политическая аксиома» значима только тогда, когда опирается на «правду действительную»¹⁰, т.е. на понимание специфичности ситуации (иными словами, на понимание того, что он называет «обстоятельствами» — *circumstances*), которая воспринимается только благодаря историческим сравнениям, позволяющим оценить в ней долю нового и давнего (что, по всей видимости, соответствует у Макиавелли разделению «многолетнего опыта в делах настоящих» и «непрестанного изучения дел минувших»¹¹).

Это обстоятельство сближает обе манеры письма: обе они противостоят «философскому учению об идеале», предпочитая извлекать уроки из реальности. Покажем это на одном примере, впрочем, скорее деликатном, так как в начале эссе — единственного, в котором Юм предлагает «своего рода» утопию, *Идею совершенного commonwealth*¹², — он критикует как «чисто воображаемые» проекты «глубоких реформ», образцы которых находит у Платона, Томаса Мора и Гаррингтона. Главный аргумент выглядит вполне в макиавеллевском стиле, так как все *in fine* покоится на той идее, что правление представляет собой машину, которую нельзя использовать наивно (*innocently*). Это утверждение можно интерпретировать двояко: изменить положение вещей в соответствии с моделью, сконструированной *in abstracto*, было бы опасным заблуждением, ибо «выбросить» со-

¹⁰ «Но, имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих, я предпочел следовать правде не воображаемой а действительной» (См.: Макиавелли Н. Государь. Гл. XV // Макиавелли Н. Сочинения / Пер. с итал. Муравьевой Г. СПб.: Кристалл. 1998. С. 88).

¹¹ «... познания мои в том, что касается деяний великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрерывным изучением дел минувших». (Там же. Посвящение. С. 47).

¹² *Idee d'un commonwealth parfait*. EMPL. P. 640–660.

вершенные ошибки никогда невозможно; в равной мере оно показало бы неведение предварительной формы той «материи», которую он намеревается сообщить. Например, принципы Гаррингтона (Республика Океания, 1656: соответствие разделения властей [*balance of power*] разделению «способностей», смена на общественных постах, аграрный закон, вето Сената¹³) являются спорными не только потому, что их применение могло бы лишить правительство компетентных людей, привести к сокрытию богатств и упрочить абсолютистские тенденции в Сенате¹⁴, но еще и потому, что в истории Англии события носили далеко неоднозначный характер (история опровергала Гаррингтона, который в эпоху Протектората Кромвеля полагал невозможным восстановление монархии). И в особенности коррупцией режимов Англия обязана не столько разрыву между распределением собственности и разделением властей, сколько представлениям об этом разрыве: «...когда какие-либо причины порождают какую-либо определенную склонность или аффект в определенное время и среди определенного народа, то, хотя многие отдельные лица могут избежать указанного влияния и будут руководство-

¹³ Джеймс Гаррингтон (1611–1677) в «Океании» представляет республиканскую модель, основанную на соответствии политической власти и власти экономической (с этой целью он вводит принцип устойчивости режимов: господствующий собственник в абсолютной монархии, класс собственников при умеренном режиме, большинство собственников при республиканском правлении). Он отстаивает идею наилучшего распределения собственности вследствие реформы наследования и аграрных законов; его система политического представительства основана на идее ротации должностных лиц и двухпалатного парламента. В плане толкования античных идеалов он может быть поставлен в один ряд с Макиавелли (См., в частности: *Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton. 1975. Trad. franç. Par L. Borot: Le moment machiavélien. Paris. P.U.F. 1997*) Оспаривая утверждения Гаррингтона, Юм особо обращается к оппозиции *вигов* по отношению к Уолполу, в рамках которой, точно так же, как и у *тори*, увлеченных неогаррингтонианцем Болинброк, эти принципы были в то время очень влиятельны.

¹⁴ См.: Юм Д. Идея совершенного государства // Юм Д Соч. в 2-х т. Т.2. С. 675–689.

ваться своими собственными аффектами, масса безусловно будет охвачена общим аффектом и станет во всех своих поступках руководствоваться им»¹⁵.

Гаррингтон, таким образом, является прожектёром¹⁶, ибо его принцип «власть следует за собственностью» лишен достаточного исторического основания, которое, будь оно расширено, заставило бы изменить сам принцип. Тем не менее, Юм сам составляет политический проект совершенного *commonwealth*, проект, способный служить людям, стремящимся «образовать новую систему в какой-либо отдаленной части света»¹⁷, и представленный скорее как некая регулятивная идея, способная направлять стремление изменить существующие институты: «...почему мы не можем спросить, какая форма самая совершенная из всех, современные недостаточно слаженные и плохо действующие правительства, кажется, служат потребностям общества?.. Во всех случаях было бы полезно знать, что́ есть самое совершенное в этом роде, дабы мы могли как можно больше приблизить к нему какой-либо реально существующий строй или форму правления путем осторожных изменений и нововведений, с тем, чтобы не причинить обществу слишком больших волнений»¹⁸.

Следовало бы заметить, что Юм намеривается составить этот проект «насколько можно более кратко», так как «длинная диссертация на эту тему окажется не очень-то приемлемой для публики, которая будет склонна считать такие изыскания и бесполезными, и химерическими»¹⁹. И правда, это обещание лаконичности дает возможность причислить текст к общему философскому замыслу «Эссе», стремящихся объединить в своей читательской аудитории

¹⁵ Юм. Д. О возникновении и развитии искусств и наук // Там же. С. 538.

¹⁶ Юм здесь, таким образом, присоединяется к мнению Монтескье (См., в частности, письмо Юма от 8 декабря 1775 // Hume's Letters / Ed. Greig J.Y.T. 2 vol. Oxford: Clarendon. 1932. Vol. II. P. 306–307).

¹⁷ Юм Д. Идея совершенного государства // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. С. 676.

¹⁸ Там же. С. 675–676.

¹⁹ Там же.

людей просвещенных и склонных к беседе, а также превратить их автора в «посла провинций знания при провинциях беседы»²⁰.

Это, очевидно, означает, что Юм пишет совсем для иного типа читателя, нежели Макиавелли: он пишет как раз для тех, кто говорит (а не для тех, кто владеет или стремится завладеть властью), для тех, кого он называет «светскими людьми» (в особенности для женщин своего времени, если они пожелают оставить «книги о галантности и набожности»²¹), — иными словами, для ставшего преобладающим класса торговой буржуазии. Читатель, которого хотят затронуть «Эссе», обладает значительной частью экономической власти, занимает место «в окрестностях» власти политической; он может быть кем угодно — от депутата палаты Общин до просто симпатизирующего одной из двух партий, соперничавших в то время — *Country Party* и *Court Party* (противники и сторонники Уолпола). Он в большинстве случаев — сторонник Гаррингтона и в салонной беседе смешивает экономические воззрения и политические суждения. Таким образом, именно ангажированную читательскую аудиторию Юм собирается подвести к большей беспристрастности и утонченности.

Отсюда — третий и последний элемент юмовской «манеры» на полях размышлений о «политических аксиомах» нашего автора: умеренность. Ибо прежде, чем стать принципом политического действия, она составляет методологическое требование «умеренного скептицизма», т. е. скептицизма, который остерегается самого скептицизма и развивается под эгидой скорее Новой академии (Аркесилай, Карнеад), нежели пирронизма. То, что мы называем здесь «умеренностью», представляет собой метод, взвешивающий преимущества и недостатки двух политических позиций. Например, по вопросу о том, к чему больше склоняется британское правительство — к монархии или к республике, или же по вопросу о монархическом престолонаследии — в соответствии с древнейшим правом рождения (Дом Стюартов) или же в соответствии с принадлежностью к протестантизму (Дом Ганноверов).

²⁰ *Hume D. Of Essay-Writing / Trad. franç. De l'essai //EMPL. P. 109.*

²¹ *Ibid. P. 111.*

Итак, сравним этот способ действия с дилемматическим методом Макиавелли. Мы заметим, что первой целью теоретического рассуждения является не столько облегчение выбора (например, между несколькими возможными предписаниями), сколько умиротворение дебатов, волнующих общество, проявляющее интерес к политике, и, в частности, выявление общего корня, из которого исходят ветви, противостоящие друг другу в форме партий. Например: «Тори — это человек, являющийся приверженцем монархии, но не отказывающийся, однако, от свободы [...], сторонник дома Стюартов. Виг — это человек, любящий свободу, но не отвергающий при этом монархию [...], поборник установления протестантского престолонаследования»²².

С одной стороны, тип вопросов, задаваемых Юмом, обычно подводит его к смягчению различий, которые его читатели считают принципиальными разногласиями (он придерживается той точки зрения, что принципы никогда не являются чистыми, что к ним всегда примешаны различия интересов и «аффектов» или личных привязанностей²³). Например, он показывает, что и та, и другая партия являются гаррингтонианцами и/или приверженцами контракционизма, и что, по сути дела, речь только об этом и идет. С другой стороны, его рассуждения завершаются по-разному: иногда невозможно понять, заставит ли легкое преимущество склонить чашу весов в нужную сторону, или же затронутым оказывается фундаментальный момент (риск анархии или религиозного господства), и в этом случае философ отчетливо формулирует свои предпочтения. Но, по сути, речь идет не столько о том, чтобы определить «лучшее» или «наименее плохое» решение путем сопоставления обоих звеньев дилеммы, сколько о том, чтобы спасти политическое тело от губительного деления, разделяя реальные противоположности и те, которые лишь кажутся таковыми, чтобы затем с помощью умеренности в рассуж-

²² *Hume D. Of the Parties of Great Britain / Trad. franç. Des partis de la Grande Bretagne // EMPL. P. 197.*

²³ См., в частности: *Юм Д. О партиях вообще // Д. Юм. Соч. в 2-х т. Т. 2. С. 511–518.*

дениях побудить к умеренности в самом политическом теле. Это означает, что собственно политический вопрос ставится иначе, и если речь идет о консервации, то не о консервации приобретенной власти, но о сохранении самого политического сообщества. В этом смысл «консерватизма» Юма.

«Материя»: макиавеллизм и не-макиавеллизм Юма

Чтение текстов убеждает нас, что применительно к Юму мы имеем дело с исключительно точными и детальными политическими воззрениями, рассыпанными, в частности, по страницам его «Эссе» таким образом что первым пунктом сопоставления двух сочинений стала бы трудность чтения, которой обязана их утонченность. Мы можем выделить лишь некоторые принципиальные направления юмовского политического мышления, которые сближают их с макиавеллевским подходом или отдаляют от него.

Прежде всего, мы обнаруживаем у Юма концепцию истории политических тел, очень близкую таковой у Макиавелли. Во-первых, мы можем прибегнуть к сравнению текстов о происхождении политической формы²⁴ в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» I, 2 («Discorsi sopra la prima deca di Tito-Livio»): именно необходимость толкает людей к созданию правления, «единственным основанием долга *верноподданства* является *выгода*, которую он дает обществу, сохраняя среди людей мир и порядок»²⁵. Различие состоит в том, что для Юма принципы справедливости, сами обусловленные приносимой ими выгодой, предшествуют установлению гражданского общества, которому только и призваны служить. Но политические «машины» не только рождаются в определенный момент, чтобы противостоять «склонности предпочитать близкое отдаленному»²⁶, они еще и смертны: так, Юм осмеливается предсказать анархию, способную опрокинуть деспотизм, если когда-либо Палата Общин уничто-

²⁴ См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе. Ч. III. Гл.2, 7. Юм Д. Исследование о принципах морали. Гл.4.

²⁵ Юм Д. Исследование о принципах морали // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. С. 210.

²⁶ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Там же. Т. 1. С. 574.

жит рожденную вместе с ней смешанную монархию. И в случае упрочения этой тенденции он предсказывает также скорый возврат абсолютизма. «Абсолютная монархия, таким образом, — пишет он, — есть смерть самая мягкая, настоящая *эвтаназия* британской конституции»²⁷. Под «смертью политического организма» здесь следует понимать «смерть свободного правления», т. е. республики или умеренной монархии, впадающей в анархию или деспотизм. Однако эти размышления вписаны в более широкий контекст, нежели тот, в котором «...всякая форма правления подходит однажды к концу, и смерть также неизбежна для политического тела, как и для животного тела»²⁸.

Добавим к этому: ставя на одну доску контракционистские теории, теории божественного права или теории патриархализма, Юм как историк приходит к выводу, что правления устанавливаются и становятся предметом долга верноподданства вследствие насильственного их происхождения и не на том основании, что они проистекают из покорения, древнего или недавнего владения, имея в качестве установленной власти «бесконечное преимущество уже вследствие того, что они установлены», даже если этот принцип легитимности имеет противовес и может быть побежден мятежным духом, побуждаемым испытываемыми неудобствами и жестокими страданиями при неумелых и жестоких режимах. Мы имеем здесь дело все с той же концепцией «истины вещи», т. е. с концепцией политических тел, которые не проистекают с неба идей, которые в действительности хрупки и требуют для сохранения большого умения.

²⁷ *Hume D.* Whether the British Government inclines more in Absolute Monarchy, or to a Republic / Trad. franç. Le gouvernement britannique incline-t-il davantage vers la monarchie absolue ou vers la république? // EMPL. P.178. В этом отрывке мы находим один из редких случаев употребления слова «эвтаназия» в текстах Нового времени начиная с Бэкона: «О достоинстве и приумножении наук» (I, IV, 2). (См. также: *Goffi J.-Y.* Euthanasie. // Dictionnaire d'éthique et de philosophie morale / Dir. Canto-Sperber M. P.: P.U.F. 1996. P. 543–546.)

²⁸ *Ibid.* EMPL. P. 177.

В издании русских переводов сочинений Юма, термин «политическое тело» передан как «политический организм» — *Прим. пер.*

Следует, очевидно, вследствие этого первого элемента записать юмовское предпочтение за «смешанным правлением», которое объединяет в себе три чистых формы политического правления и пример которого можно видеть в английской парламентской монархии. В самом деле, вопрос о наилучшей форме правления обнаруживается во многих эссе Юма, который производит первое разделение между формами абсолютного правления и формами свободного правления. Первые из них зависят от способа управления (т.е. непосредственно от нравов и способностей людей), тогда как вторые — от конституционных «сдержек и противовесов»²⁹. Именно в этой второй категории проводится различие между республиками («наилучшая система правления») и смешанными монархиями («самая совершенная система свободы»), причем, как те, так и другие имеют отрицательные стороны, а именно риск анархии или абсолютизма. В этом пункте позиция Юма очень четкая: «...у нас есть основания опасаться больше монархии, ибо опасность с этой стороны более грозная; но у нас есть основания опасаться и народного правления, и здесь опасность еще более ужасная»³⁰.

Фактически свободное правление держится на равновесии сил между властью и свободой. Юм хотя и пишет в нескольких местах, что смешанные формы монархии обязаны своим совершенством частичному республиканству, содержащемуся в них, но очень по-гоббсовски утверждает приоритет власти: «При всех системах правления имеет место постоянная, открытая или тайная, внутренняя борьба между властью и свободой. [...] Свобода есть усовершенствование (perfection) гражданского общества; но все же следует согласиться и с тем, что власть необходима для самого его существования и в спорах, которые столь часто происходят между свободой и властью, последняя может в силу этого претендовать на

²⁹ См. по этому поводу эссе: *Юм Д.* О том, что политика может стать наукой // *Юм Д.* Соч. в 2-х т. Т. 2. С. 490–502.

³⁰ *Hume D.* Whether the British Government inclines more to Absolute Monarchy, or to a Republic / Trad. franç.: *Malherbe M.* Le gouvernement britannique incline-t-il davantage vers la monarchie ou vers la république? // *Essais et traités sur plusieurs sujets.* (éd. de 1777). Т. 1. P.: Vrin. 1999. P. 111.

первенство»³¹. Таким образом, отвечая на вопрос, гораздо более важный для него, чем для Макиавелли, шотландец проповедует макиавеллизм гаррингтоновского типа, особо подчеркивая значение *сохранения*, позволяющего ему отдать предпочтение монархической форме.

Наконец, мы должны обратиться к последнему моменту, который назовем равновесием между настроением и конституционной формой. С одной стороны, для философа аффектов, каковым является Юм, совершенно очевидно, что единственная постоянная черта Истории — это игра человеческих страстей: войти в политическое сообщество можно только благодаря интересу; о правлении судят на основании предлагаемой тем выгоды, что оно представляет, даже если, в частности, оно удерживается благосклонностью, вызываемой к его стажу. Но интерес, будь он публичным или частным, сводится в итоге к мнению, так что у Юма, как и у Макиавелли, «правление основывается только на мнении»³². А мы добавим, что «свободные формы правления» особенно подвержены разгулу худших страстей, так как, «хотя в цивилизованной монархии, как и в республике, народ имеет гарантии для того, чтобы наслаждаться своей собственностью, все же... те, кто обладают высшей властью, располагают многочисленными почестями и преимуществами, которые возбуждают у людей честолюбие и жадность»³³.

Все эти элементы сливаются в описании глубин «человеческой природы», из которых рождаются, удерживаются более или менее долго, приходят в упадок и умирают правления. Мы сделаем лишь два дополнительных замечания, предназначенных для того, чтобы высветить не-макиавеллевские моменты относительно этой темы.

Первое из них состоит в том, что Юм, в своем противостоянии Болинброку³⁴ особо подчеркивает, что не столько характер и нравы

³¹ Юм. Д. О происхождении правления. // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. С. 510–511.

³² Юм Д. О первоначальных принципах правления // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. С. 504.

³³ Юм Д. О возникновении и развитии наук и искусств // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. С. 550.

³⁴ Генри Сен-Жан де Болинброк (1678–1751) — член парламента от тори, затем министр, лидер оппозиции *тори* Уолполу, автор *A Dissertation upon*

правителей, сколько именно конституционные установления защищают от бед или же, напротив, ускоряют процесс распада правления. В частности, преимущество справедливых установлений состоит в том, что они защищают от мятежников, представляющих худшую из угроз: такова причина того, что шотландский философ, будучи противником утопий, разрабатывает модель конституционных реформ.

Но — и это второе наше замечание — заинтересованные мнения (к счастью) имеют некоторое отношение к реальным интересам, и исходя из этого Юм отдает много сил борьбе против увеличения общественного долга: «Источник упадка, который можно отметить в свободных системах правления, состоит в практике делать долги и закладывать государственные доходы»³⁵.

Функция государства — следовать правилам справедливости, т.е. законам собственности: оно, следовательно, всегда должно приспосабливаться к новой социально-экономической реальности, дабы лучше служить интересам социального целого, которое всегда является в той или иной мере собственником, в той или иной мере производителем; государство должно, в частности, служить интересам того самого «среднего класса», на который Юм возлагает надежды и к которому он обращается в конечном счете. Таков, по сути, главный исторический факт, которого, по Юму, недостает Макиавелли. Этот социально-экономический факт основан на мнении историка о том, что «в делах людей совершались такие величественные перевороты, произошло так много событий, про-

Parties и *Idea of Patriot King*. Полагал, что правление Уолпола компрометирует старинный дух свободы, присущий английской нации; благодаря этим идеям стал «неогаррингтонским» защитником Парламента, заменив противоборство между вигами и тори на противоборство между партией, верной конституции (*Country Party*), и партией, способствовавшей расширению прерогатив королевской власти (*Court Party*). Следует заметить, что Болинброк, талантливый стилист, вслед за Тацитом и Лонгином связывает упадок величия и политическую коррупцию, и, таким образом, сочинения Юма по вопросам стиля и формам философского письма, как справедливо отмечает Жиль Робель (*Gilles Robet*. EMPL. P. 239), следует интерпретировать, учитывая, в частности, идею этого соперничества.

³⁵ Юм Д. О гражданской свободе // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. С. 536.

тиворечащих предположениям древних, что их достаточно, чтобы породить подозрения, не наступят ли еще какие-нибудь дальнейшие изменения»³⁶.

Изменились ли они и в правду со времен Юма? Вероятно, нет. Делая акцент не столько на противостоянии правителей и управляемых, сколько на «срединном условии», он подведет макиавеллевский текст под буржуазную реальность. Отбросив выходящие чересчур мрачными суждения, направленные как раз на приложение *предписаний* Макиавелли к этой реальности, мы обнаруживаем верность мыслительным *принципам* флорентийца, из которых и возникает констатация того, что изменилась эпоха и что политическая жизнь, ее понимание, задачи советника-философа отныне должны быть подчинены новым требованиям. Защита целостности политического тела от мятежников, в особенности тех, чьи принципы связаны с личными пристрастиями, в том числе и религиозными, императив сохранения экономической безопасности государства, задачи служения все более и более набирающему вес среднему классу — таковы первые заповеди, с которыми философ, следующий традиции, но равным образом прислушивающийся к реальности, может обратиться к государям нового мира.

Перевод с французского М.М. Фёдоровой.

Библиография

- Hume D.* Essais moraux, politiques et littéraires et autres essais / Trad. de Robert G. / Coll. «Perspectives anglo-saxonnes». P.: P.U.F. 2001.
- Hume D.* La Morale. Traité de la nature humaine. Livre III. Paris: Flammarion / Coll. «GF». 1993.
- Hume D.* Enquête sur les principes de la morale / Trad. avec la collabor. De Ph. Baranger / Coll. «GF». Paris: Flammarion. 1991.

³⁶ Там же. С. 531.

Hume's Letters / Ed. Greig J.Y.T. 2 vol. Vol. II. Oxford: Clarendon. 1932.

Dictionnaire d'éthique et de philosophie morale / Canto-Sperber M. (dir.) P.: P.U.F. 1996.

Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton. 1975.

Юм Д. Соч. в 2-х т. М.: Мысль. 1996.

Макиавелли Н. Государь. Гл. XV // *Макиавелли Н.* Сочинения / Пер. Муравьевой Г. С.–П.: Кристалл. 1998.